

СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

РЕШЕНИЕ

11 сентября 2024 года

город Минск

Коллегия Суда Евразийского экономического союза в составе председательствующего судьи-докладчика Кишкембаева А.Б., судей Забары А.А., Кайыпова М.Т., Павловой Н.В., Туняна А.Г., при секретаре судебного заседания Алпысбай А.Б., с участием: представителя общества с ограниченной ответственностью «БГ-ТУЛС-МСИ» Зарубина Н.Н., представителей Евразийской экономической комиссии Басалыги А.Е., Жихаревой А.А., Киризлеева Р.О., Кравцовой Н.В., Юрлова И.А., рассмотрев в открытом судебном заседании дело по заявлению общества с ограниченной ответственностью «БГ-ТУЛС-МСИ» о признании пункта 3¹ Правил применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), утвержденных решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 года № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)», не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности,

УСТАНОВИЛА:

1. Обстоятельства дела

1.1. Общество с ограниченной ответственностью «БГ-ТУЛС-МСИ» (Российская Федерация, далее – ООО «БГ-ТУЛС-МСИ», истец) обратилось в Суд Евразийского экономического союза (далее – Суд) с заявлением о признании пункта 3¹ Правил применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), утвержденных решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 года № 283 «О применении метода определения

таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)» (далее – Правила), не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), а именно подпункту 7 пункта 1 статьи 40 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года, далее – ТК ЕАЭС), и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

1.2. Поводом для обращения в Суд послужили обстоятельства, связанные с поставкой в адрес истца запасных частей для бурильных инструментов с комплектующими деталями согласно заключенному между истцом и компанией «Бауэр Машинен ГмбХ» (Федеративная Республика Германия) рамочному договору № 36-07 от 18 апреля 2007 года (далее – Контракт), лицензионному договору от 1 декабря 2007 года (далее – Лицензионный договор) о передаче технической информации, составляющей секрет производства (ноу-хау), в целях производства, использования, продажи бурильного оборудования.

Таможенное декларирование приобретаемых товаров осуществлялось истцом в 2018–2021 годах на Московской областной таможне Российской Федерации, которой 25 августа 2021 года была назначена камеральная таможенная проверка.

По результатам проверки таможенным органом принято решение о внесении изменений в сведения, заявленные истцом в таможенных декларациях, путем включения в таможенную стоимость товаров, приобретенных по Контракту, платежей за использование секрета производства (ноу-хау), предусмотренных Лицензионным договором, и доначислении таможенных платежей.

Решением арбитражного суда Российской Федерации, вступившим в законную силу, ООО «БГ-ТУЛС-МСИ» отказано в удовлетворении требований к Московской областной таможне об оспаривании решений о внесении изменений (дополнений) в сведения, заявленные в соответствующих декларациях на товары, и возврате излишне уплаченных денежных средств.

1.3. В заявлении истец указывает, что судебные акты национальных судебных инстанций Российской Федерации основаны на пункте 3¹ Правил, что повлекло нарушение предусмотренного подпунктом 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС права истца на невключение в величину таможенной стоимости лицензионных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности, которые не относятся к ввозимым

товарам и не являются условием продажи ввозимых товаров для вывоза на таможенную территорию Союза.

2. Процедура в Суде

2.1. Постановлением Коллегии Суда от 25 апреля 2024 года заявление истца, поступившее в суд 17 апреля 2024 года, было оставлено без движения на основании пунктов 39, 43 Статута Суда Евразийского экономического союза (приложение № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, далее – Статут Суда), статьи 9, пункта 3 статьи 33, статей 34 и 84 Регламента Суда Евразийского экономического союза, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 101 (далее – Регламент Суда), в связи с несоблюдением требований о приложениях к заявлению.

Поскольку недостатки, послужившие основанием для оставления заявления без движения, были устранены истцом в установленный срок, постановлением Коллегии Суда от 23 мая 2024 года заявление принято к производству.

2.2. Согласно пункту 55 Статута Суда Суд может запрашивать необходимые для рассмотрения дел материалы у направивших заявление в Суд хозяйствующих субъектов, уполномоченных органов и организаций государств-членов, а также органов Союза.

В целях полного, всестороннего и объективного рассмотрения дела Коллегией Суда направлены запросы и получены ответы из конституционных судов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации, верховных судов Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации, Кассационного Суда Республики Армения, Комитета государственных доходов Республики Армения, Государственного таможенного комитета и Министерства по налогам и сборам Республики Беларусь, Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Государственной налоговой службы при Министерстве финансов и Государственной таможенной службы при Министерстве финансов Кыргызской Республики, Федеральной таможенной службы и Федеральной налоговой службы Российской Федерации.

В Суд поступили заключения и информационные письма Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Государственного института повышения квалификации и переподготовки кадров таможенных органов Республики Беларусь, Учебно-методического центра Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан, Российской таможенной академии.

Кроме того, ответчиком представлены копии материалов, относящихся к подготовке и принятию Правил, а также возражения на заявление истца.

3. Доводы истца

3.1. Заявление ООО «БГ-ТУЛС-МСИ» мотивировано тем, что редакция пункта 3¹ Правил содержит общие формулировки, допускающие включение в таможенную стоимость товаров, ввозимых на таможенную территорию Союза, платежей по любым лицензионным договорам, в том числе не относящихся к ввозимым товарам и не являющихся условием для их продажи, поскольку не включает указания на необходимость строгого соблюдения положений статьи 40 ТК ЕАЭС, а также критериев, по которым лицензионный договор может быть признан соответствующим условиям, установленным в абзаце первом подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС.

3.2. Ссылаясь на условия Контракта и Лицензионного договора, письмо компании «Бауэр Машинен ГмбХ» № 1028-1029 от 10 декабря 2021 года, истец утверждает, что отсутствует совокупность условий, предусмотренных подпунктом 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, для включения лицензионных платежей в таможенную стоимость ввозимых товаров, поскольку:

- Лицензионный договор не содержит ограничений и требований, либо специфических особенностей или характеристик ввозимых товаров, в силу которых использование секрета производства (ноу-хау) возможно с применением ввозимых по Контракту товаров;

- лишь небольшая часть ввезенных по Контракту товаров была использована для производства, использования и продажи бурового инструмента и бурильного оборудования, с применением приобретенного по Лицензионному договору секрета производства (ноу-хау);

- приобретенный секрет производства (ноу-хау) не предусматривает его применение при производстве товаров, ввозимых по Контракту, и предполагает возможность использования при производстве продукции на таможенной территории ЕАЭС иных, прежде всего российских, комплектующих и деталей.

Однако судами Российской Федерации решение национальных таможенных органов о доначислении истцу таможенных платежей было поддержано, в том числе в результате правовой неопределенности, сложившейся вследствие противоречия пункта 3¹ Правил подпункту 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС.

3.3. По мнению истца, правовую неопределенность, вызванную редакцией пункта 3¹ Правил, не устраняет и толкование, придаваемое ему Рекомендацией Коллегии Евразийской экономической комиссии № 20

от 15 ноября 2016 года «О Положении о добавлении лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары» (далее – Положение).

Истец указывает, что пункт 19 Положения допускает такое толкование пункта 3¹ Правил, которое не позволяет принять однозначное решение о включении в таможенную стоимость лицензионных платежей за ноу-хау в случае, если ввозимые товары использованы в производстве в незначительном количестве, а по большей части проданы в неизменном виде.

Пункт 20 Положения также не предусматривает однозначной правовой оценки для ситуации, когда использование ноу-хау возможно не только с применением ввозимых товаров, но и без их использования.

Ссылаясь на то, что любые из перечисленных в Положении критериев и условий отсутствуют во внешнеторговых документах истца по поставкам, упомянутым в заявлении; ввозимые по Контракту товары использовались истцом не только для производства лицензионной продукции, но и в целях ремонта оборудования и для иных производственных нужд; на отсутствие взаимосвязи между поставкой товаров по Контракту и действием Лицензионного договора, истец считает, что имеется возможность для неоднозначного понимания и расширительного толкования пункта 3¹ Правил.

3.4. В судебном заседании представитель истца, поддержав заявленные требования, просил признать пункт 3¹ Правил не соответствующим требованиям ТК ЕАЭС, полагая, что Евразийская экономическая комиссия (далее – Комиссия, ЕЭК) вправе предусмотреть возможность не включения в таможенную стоимость ввозимых товаров лицензионных платежей в случаях использования с применением ноу-хау лишь конкретно определенной части ввозимых товаров, либо иным образом (по усмотрению Комиссии) внести правовую определенность.

4. Возражения ответчика

Ответчик просил Суд отказать в удовлетворении заявленных истцом требований ввиду их необоснованности, исходя из следующего.

4.1. Из содержания положений подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС следует, что лицензионные платежи, не включенные в фактически уплаченную или подлежащую уплате за ввозимые товары цену, включаются в таможенную стоимость ввозимых товаров не в любом случае, а только тогда, когда они одновременно отвечают двум условиям: 1) относятся к таким товарам; 2) их уплата является условием продажи ввозимых товаров. Наличие указанных условий проверяется в каждом

конкретном случае либо декларантом товаров, либо таможенным органом в случаях, предусмотренных ТК ЕАЭС, с учетом всех обстоятельств ввоза оцениваемых товаров на таможенную территорию Союза, как это установлено пунктом 14 статьи 38 ТК ЕАЭС.

4.2. Правила, положения пункта 3¹ которых оспариваются истцом, были разработаны Комиссией в целях использования при определении таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами в рамках компетенции, предусмотренной пунктом 3 статьи 1 действовавшего на тот момент Соглашения об определении таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза от 25 января 2008 года (далее – Соглашение).

При разработке Правил учитывались подходы, определенные в Соглашении по применению статьи VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года (далее – Соглашение по применению статьи VII ГАТТ 1994 года), включая пояснительные примечания к нему, а также отраженные в документах по таможенной стоимости товаров, разработанных Техническим комитетом по таможенной оценке Всемирной таможенной организации.

4.3. Оспариваемый истцом пункт 3¹ Правил содержит норму, конкретизирующую правила определения таможенной стоимости по стоимости сделки с ввозимыми товарами, аналогичную по своей направленности как положениям пункта 1 статьи 39 и пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, так и положениям Соглашения по применению статьи VII ГАТТ 1994 года.

При этом Комиссия отмечает невозможность установления в праве Союза исчерпывающего перечня оснований и правовых ситуаций для включения лицензионных платежей за использование того или иного объекта интеллектуальной собственности в таможенную стоимость ввозимого товара ввиду многообразия форм предпринимательской деятельности и наличия различных моделей гражданско-правовых отношений.

4.4. По утверждению ответчика, пункт 3¹ Правил не противоречит статье 40 ТК ЕАЭС, поскольку в обеих нормах устанавливаются лишь общие принципы определения таможенной стоимости по одному из применяемых в таможенном регулировании методов – по стоимости сделки с ввозимыми товарами.

Положение, принятое для выработки единых подходов в правоприменительной практике, носит разъясняющий, рекомендательный характер и не может создавать препятствий в определении таможенной стоимости товаров, ввозимых на территорию Союза.

4.5. Ответчик также полагает, что обращение ООО «БГ-ТУЛС-МСИ» в Суд фактически вызвано несогласием с судебными актами арбитражных судов Российской Федерации по результатам рассмотрения конкретного спора с таможенным органом и фактически предмет данного спора лежит в области оценки правомерности действий национальных государственных органов Российской Федерации, что не отнесено правом Союза к компетенции Комиссии или Суда.

5. Выводы Суда

5.1. В соответствии с подпунктом 2 пункта 39 Статута Суда, Суд рассматривает споры, возникающие по вопросам реализации Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (далее – Договор), международных договоров в рамках Союза и (или) решений органов Союза по заявлению хозяйствующего субъекта о соответствии решения ЕЭК или его отдельных положений, непосредственно затрагивающих права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, Договору и (или) международным договорам в рамках Союза, если такое решение или его отдельные положения повлекли нарушение предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов хозяйствующего субъекта.

Пунктом 52 Статута Суда установлено, что порядок рассмотрения дел о разрешении споров в Суде определяется Регламентом Суда.

Согласно положениям пункта 1 статьи 45 Регламента Суда при рассмотрении дела по заявлению хозяйствующего субъекта об оспаривании решения Комиссии или его отдельных положений Суд осуществляет проверку:

- а) полномочий Комиссии на принятие оспариваемого решения;
- б) факта нарушения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных им Договором и (или) международными договорами в рамках Союза;
- в) оспариваемого решения или его отдельных положений и (или) оспариваемого действия (бездействия) Комиссии на соответствие их Договору и (или) международным договорам в рамках Союза.

5.2. Проверя полномочия Комиссии на принятие оспариваемого решения, Коллегия Суда основывается на правовой позиции, ранее сформулированной Судом в абзаце втором пункта 5.1 решения Суда от 8 декабря 2022 года по заявлению ООО «Польские машины» (дело С-6/22), о том, что проверка полномочий Комиссии является вопросом

публичного порядка, который оценивается Судом *ex officio* в силу прямого указания права Союза и независимо от доводов истца.

Также Коллегия Суда придерживается подхода, выработанного Судом при разрешении дела по заявлению ООО «Севлад» (дело № С-5/15), о том, что нарушение прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности может повлечь только решение Комиссии, не соответствующее праву Союза. Поэтому проверка факта нарушения прав и законных интересов истца в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, предоставленных Договором и (или) международными договорами в рамках Союза, должно предшествовать осуществлению проверки правомерности оспариваемого акта Комиссии (абзац третий пункта 7.2.1 решения Суда).

5.3. В соответствии со статьей 8 Договора Комиссия как один из органов Союза действует в пределах полномочий, которые предоставлены ей Договором и международными договорами в рамках Союза.

Согласно пункту 3 статьи 18 Договора статус, задачи, состав, функции, полномочия и порядок работы Комиссии определяются Положением о Евразийской экономической комиссии (приложение № 1 к Договору, далее – Положение о ЕЭК).

Подпункт 1 пункта 3 Положения о ЕЭК предусматривает осуществление Комиссией своей деятельности в сфере таможенно-тарифного и нетарифного регулирования в пределах полномочий, предоставленных Договором и международными договорами в рамках Союза.

Компетенция Комиссии на принятие решения от 20 декабря 2012 года № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)» и на последующее изменение Правил, в том числе путем дополнения их пунктом 3¹ решением от 2 декабря 2013 года № 279, основывалась на положениях пункта 3 статьи 1 действовавшего в тот период Соглашения, которое утратило силу с 1 января 2018 года в связи с вступлением в силу ТК ЕАЭС (пункт 1 раздела 1 Перечня международных договоров, входящих в право Евразийского экономического союза, прекращающих действие в связи с вступлением в силу Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза, приложение № 2 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года).

Согласно пункту 3 статьи 444 ТК ЕАЭС решения Комиссии, регулирующие таможенные правоотношения, действующие на дату

вступления ТК ЕАЭС в силу, сохраняют свою юридическую силу и применяются в части, не противоречащей ТК ЕАЭС.

Компетенция Комиссии на принятие актов, направленных на обеспечение единообразного применения положений главы 5 ТК ЕАЭС при применении методов определения таможенной стоимости ввозимых товаров, предусмотрена пунктом 17 статьи 38 ТК ЕАЭС, согласно которому такие акты принимаются исходя из соответствующих положений Соглашения по применению статьи VII ГАТТ 1994 года, включая пояснительные примечания к нему, а также документов по таможенной стоимости товаров, принятых Комитетом по таможенной оценке Всемирной торговой организации и Техническим комитетом по таможенной оценке Всемирной таможенной организации.

Согласно пункту 14 Положения о ЕЭК разграничение полномочий и функций Совета Комиссии и Коллегии Комиссии определяется Регламентом работы Евразийской экономической комиссии, утвержденным Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года № 98 (далее – Регламент ЕЭК).

В соответствии с пунктом 31 Регламента ЕЭК, Совет рассматривает вопросы, отнесенные к компетенции Совета согласно приложению № 1, а также в соответствии с Договором о Союзе и положениями разделов II-VI настоящего Регламента.

Учитывая, что принятие оспариваемой нормы Регламентом ЕЭК не отнесено к компетенции Совета, Суд приходит к выводу о наличии компетенции на принятие соответствующих решений у Коллегии Комиссии.

Коллегия Суда также принимает во внимание, что истец не заявляет о наличии нарушений порядка принятия оспариваемого решения, а Комиссией по запросу Суда представлены копии материалов в подтверждение его соблюдения.

5.4. При оценке доводов истца о несоответствии оспариваемого пункта 3¹ Правил международным договорам в рамках Союза Коллегия Суда исходит из того, что система определения таможенной стоимости товаров в ЕАЭС основана на нормах универсального международного права, статье VII Генерального соглашения по тарифам и торговле 1994 года, которое в силу Договора о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы от 19 мая 2011 года является составной частью права Союза (пункты 1 и 2 статьи 38 ТК ЕАЭС).

До вступления в силу ТК ЕАЭС определение таможенной стоимости товаров, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза, было урегулировано действовавшим в то время Соглашением 2008 года,

а также Соглашением по применению статьи VII ГАТТ 1994 года, что нашло отражение в тексте Правил.

Как усматривается из положений статьи 38 ТК ЕАЭС, нормы, регулирующие определение таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, основаны на таких же общих принципах и правилах и исходят из их действительной стоимости, подлежащей оценке в соответствии с правилами главы 5 ТК ЕАЭС, с учетом особенностей, определяемых Комиссией.

Статьями 39–40 ТК ЕАЭС регламентированы правила и особенности применения одного из методов определения таможенной стоимости – по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), а также основания и порядок добавления дополнительных начислений к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за ввозимые товары.

Подпункт 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС предусматривает добавление к таможенной стоимости ввозимых товаров, определяемой по стоимости сделки с ними, лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности, включая роялти, платежи за патенты, товарные знаки, авторские права, которые относятся к ввозимым товарам и которые прямо или косвенно произвел или должен произвести покупатель в качестве условия продажи ввозимых товаров для вывоза на таможенную территорию Союза, в размере, не включенном в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за эти товары.

Это согласуется с рекомендациями Технического комитета по таможенной оценке Всемирной торговой организации, принятыми в соответствии с пунктом 2 статьи 18 Соглашения по применению статьи VII ГАТТ 1994 года (рекомендуемые мнения 4.3, 4.7, 4.11, 4.12), которые подтверждают необходимость включения в таможенную стоимость платежей за использование объектов интеллектуальной собственности, уплачиваемых импортером для получения возможности осуществления производственного процесса (использования технологии), розничной дистрибуции товаров, в зависимости от того, были ли проданы соответствующие товары в страну импорта без заключения иных договоров, обеспечивающих коммерческие интересы продавца и связанных с ним лиц.

Оценка доводов истца об отсутствии в его случае совокупности условий подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС (со ссылкой на Контракт и Лицензионное соглашение) с учетом положений пункта 39 Статута Суда не входит в компетенцию Коллегии Суда, поскольку относится к сфере юрисдикции национальных судов.

5.5. Пункт 3¹ внесен в качестве дополнения в раздел «I. Общие положения» Правил решением Коллегии Евразийской экономической

комиссии от 2 декабря 2013 года № 279 и предусматривает, что «при определении таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами в значении, установленном пунктом 1 статьи 4 Соглашения, необходимо исходить из того, что под сделкой понимается совокупность различных сделок, осуществляемых в соответствии с такими видами договоров (соглашений), как внешнеэкономический договор (контракт), в соответствии с которым товары продаются для вывоза на таможенную территорию Таможенного союза, договор международной перевозки (транспортировки) товаров, лицензионный договор и другие. Таким образом, в стоимость сделки должны включаться соответствующие стоимостные показатели по каждому из договоров, на основании которых осуществлялся ввоз товаров на таможенную территорию Таможенного союза, то есть как непосредственно по сделке купли-продажи (цена, фактически уплаченная или подлежащая уплате за ввозимые товары), так и по иным договорам, расходы по которым включаются в таможенную стоимость товаров согласно статье 5 Соглашения (например, расходы по перевозке (транспортировке) товаров, расходы на страхование, лицензионные платежи и пр.)».

Данный пункт содержится в первом разделе Правил, предусматривающем общие положения применения одного из методов определения таможенной стоимости товаров – по стоимости сделки, и указывает на то, что под сделкой применительно к этому методу понимается совокупность сделок, в числе которых могут выступать и лицензионные договоры.

Содержание пункта 3¹ Правил и подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС, о противоречии которому заявлено истцом, полностью согласуются между собой в том, что при определении таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ними к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, добавляются расходы по иным договорам, среди которых единообразно предусмотрены и лицензионные платежи.

Предложение второе пункта 3¹ Правил содержит в указанной части отсылку к статье 5 Соглашения, положения которой после вступления в силу Договора о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года и прекращения действия Соглашения были воспроизведены в статье 40 ТК ЕАЭС. При этом сравнительный анализ содержания подпункта 7 пункта 1 статьи 5 Соглашения и подпункта 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС показывает идентичность норм, регулирующих включение в таможенную стоимость ввозимых товаров лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности.

Исходя из буквального прочтения анализируемых правовых норм, принимая во внимание пояснения представителей ответчика, Коллегия Суда приходит к выводу о том, что норма пункта 3¹ Правил по существу является отсылочной к статье 40 ТК ЕАЭС. Поэтому оспариваемая норма подлежит применению в совокупности с подпунктом 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС как нормой, обладающей более высокой юридической силой, что исключает противоречие между ними.

5.6. Относительно доводов истца об общем характере формулировки редакции пункта 3¹ Правил Коллегия Суда отмечает, что такой характер оспариваемой нормы является закономерным и обоснованным с учетом ее расположения в структуре Правил.

Специальные нормы, применяемые при определении таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними, в том числе категории включаемых в таможенную стоимость дополнительных платежей, предусмотрены пунктом 9 третьего раздела тех же Правил и истцом не оспариваются.

Так, согласно подпункту ж) пункта 9 третьего раздела Правил, при определении таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки к цене, фактически уплаченной или подлежащей уплате за эти товары, добавляются лицензионные и иные подобные платежи за использование объектов интеллектуальной собственности (включая платежи за патенты, товарные знаки, авторские права), которые относятся к ввозимым товарам и которые прямо или косвенно произвел или должен произвести покупатель в качестве условия продажи ввозимых товаров, в размере, не включенном в цену, фактически уплаченную или подлежащую уплате за эти товары.

Аналогичные условия включения лицензионных платежей в таможенную стоимость определены пунктом 2 Положения, которое хотя и не носит нормативно-правового характера, но используется на практике как документ Комиссии рекомендательного значения.

С учетом изложенного доводы истца об общем характере формулировок пункта 3¹ Правил не могут служить основанием для удовлетворения заявленных им требований.

5.7. В целях выработки единых подходов к решению вопроса о включении лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности в таможенную стоимость товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, Комиссией было принято Положение, основанное на вышеназванных соглашениях, а также на Комментарий 25.1 Технического комитета по таможенной оценке Всемирной таможенной организации (далее – Комментарий 25.1).

Согласно Комментарию 25.1 понимание условия «относится к ввозимым товарам» не ограничивается ситуацией, когда роялти уплачиваются за объект интеллектуальной собственности, содержащийся на (например, товарный знак) или в (например, запатентованная технология, с использованием которой ввозимые товары произведены) товарах, а лишь говорит о ней как о наиболее распространенной, но не единственной. На практике деятельность, предусмотренная лицензионными отношениями, иногда возможна только если лицензиат приобретает за рубежом определенные товары (оборудование, сырье и материалы). При отсутствии таких покупок условия лицензионного договора не могут быть выполнены, соответственно, экономический смысл в уплате роялти утрачивается.

В соответствии с абзацем третьим пункта 8 Положения, решение о том, относятся ли лицензионные платежи к оцениваемым (ввозимым) товарам, принимается на основе изучения и анализа вопроса, какие права на использование рассматриваемого объекта интеллектуальной собственности предоставлены лицензиату в соответствии с лицензионным договором и каким образом предоставленные права используются лицензиатом.

Таким образом, изложенный в оспариваемом пункте 3¹ Правил, а также в пункте 8 Положения подход к оценке соблюдения критерия относимости лицензионных и иных платежей за использование интеллектуальной собственности при определении таможенной стоимости ввозимых товаров, основанный на анализе отношений между сторонами, условий внешнеторговых сделок купли-продажи, лицензионных и иных соглашений, условий их реализации, в том числе с учетом экономической целесообразности заключенных сделок, полностью согласуется с общепринятыми в международной практике подходами.

В связи с этим доводы истца о понуждении ответчика к рассмотрению вопроса о невключении лицензионных платежей за использование интеллектуальной собственности в таможенную стоимость ввозимых на территорию ЕАЭС товаров в случаях использования с применением ноу-хау лишь определенной (незначительной) их части не могут быть признаны обоснованными, так как не согласуются с общими подходами к юридической оценке включения/невключения лицензионных платежей в таможенную стоимость.

5.8. Доводы истца о правовой неопределенности, вызванной редакцией пункта 3¹ Правил, рассмотрены Коллегией Суда с учетом правовых позиций, выработанных ранее Судом по спорам, связанным с применением мер таможенного регулирования (дела С-5/15, С-1/21, С-1/19, С-2/21, С-5/23). В частности, в решениях Коллегии Суда от 19 мая

2021 года и Апелляционной палаты Суда от 16 июля 2021 года по заявлению общества с дополнительной ответственностью «Доминантафарм» (дело С-2/21) нарушение ЕЭК принципа правовой определенности послужило самостоятельным основанием для признания решения Комиссии не соответствующим праву Союза.

Принцип правовой определенности последовательно применяется Судом как один из принципов права Союза, а его несоблюдение рассматривается Судом в качестве самостоятельного основания для признания решения Комиссии не соответствующим праву Союза.

Уяснение содержания оспариваемого пункта 3¹ Правил в совокупности с иными нормами правовых актов, регламентирующих вопросы таможенной стоимости товаров, ввозимых на таможенную территорию ЕАЭС, приводит к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных истцом требований.

Общий характер нормы пункта 3¹ Правил, содержащейся в разделе «I. Общие положения», с учетом нормотворческой техники ее изложения, не предполагает необходимости приведения в ней перечня всех условий учета лицензионных договоров и платежей по ним для целей исчисления таможенной стоимости товаров. Данная норма взаимосвязана с подпунктом 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС и пунктом 9 Правил, которые в свою очередь содержат конкретизирующие положения. Таким образом, формулировки правовых предписаний не противоречат нормам права Союза.

В пунктах 8, 9 Положения, принятого Комиссией в качестве рекомендации при определении размера таможенной стоимости ввозимых товаров, изложены дополнительные критерии, используемые при оценке условий, влекущих ее увеличение с учетом лицензионных и иных подобных платежей. Более подробно данные критерии применительно к лицензионным платежам за право использования секретов производства (ноу-хау) раскрываются в пунктах 18–20 отдельного раздела IV Положения. Кроме того, в приложениях к Положению приведены примеры с описанием отдельных ситуаций, касающихся лицензионных платежей за право использования секретов производства (ноу-хау).

Вышеизложенное позволяет признать обоснованными доводы ответчика о том, что Комиссия путем принятия Положения разъяснила вопросы, связанные с включением лицензионных и иных подобных платежей за использование объектов интеллектуальной собственности, а детальное описание всех правовых ситуаций, складывающихся в практической деятельности декларантов и таможенных органов, невозможно в силу природы акта правового регулирования. Позиция истца в этой части не согласуется с общими подходами

и принципами таможенного регулирования, которые предполагают самостоятельность декларанта и органов таможенного контроля при определении таможенной стоимости товаров.

С учетом изложенного, пункт 3¹ Правил не противоречит подпункту 7 пункта 1 статьи 40 ТК ЕАЭС и не влечет нарушение предусмотренных международными договорами в рамках Союза прав и законных интересов истца. При таких обстоятельствах оснований для удовлетворения заявленных им требований не имеется.

Согласно положениям пункта 64 Статута Суда в случае удовлетворения Судом требований хозяйствующего субъекта, указанных в заявлении, осуществляется возврат пошлины. Следовательно, отказ в удовлетворении требований истца возврат пошлины не влечет.

Руководствуясь подпунктом 1 пункта 108 Статута Суда, статьями 78 и 82 Регламента Суда, Коллегия Суда

РЕШИЛА:

Отказать в удовлетворении заявления общества с ограниченной ответственностью «БГ-ТУЛС-МСИ» о признании пункта 3¹ Правил применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), утвержденных решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 года № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)», не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза и нарушающим права и законные интересы хозяйствующего субъекта в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности.

Признать пункт 3¹ Правил применения метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1), утвержденных решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 декабря 2012 года № 283 «О применении метода определения таможенной стоимости товаров по стоимости сделки с ввозимыми товарами (метод 1)», соответствующим подпункту 7 пункта 1 статьи 40 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11 апреля 2017 года).

Пошлина, уплаченная обществом с ограниченной ответственностью «БГ-ТУЛС-МСИ» при обращении в Суд Евразийского экономического союза, возврату не подлежит.

Настоящее решение может быть обжаловано в Апелляционную палату Суда Евразийского экономического союза в течение пятнадцати календарных дней с даты его вынесения.

Копию настоящего решения направить сторонам.

Председательствующий

А.Б.Кишкембаев

Судьи

А.А.Забара

М.Т.Кайыпов

Н.В.Павлова

А.Г.Тунян